

Петр Николаевич Ключин,
профессор департамента теоретической экономики
НИУ ВШЭ, профессор департамента экономической
теории ФГОБУВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
kpn1306@yandex.ru

НАСЛЕДИЕ ЭКОНОМИСТОВ ШКОЛЫ г. КИЛЯ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ ПРОИЗВОДСТВА (к постановке проблемы)

Ключевые слова: Кильская школа, А. Леве, Г. Найссер, Н.Д. Кондратьев, Дж.М. Кейнс, М. Фуко.

Классификация JEL: B11, B24, B31, E32, O33, P16.

В статье рассмотрены взгляды основных представителей так называемой Кильской школы (нем. Kieler Schule, англ. Kiel group, Kiel school) конца 1920-х — начала 1930-х гг., которые оказали значительное влияние на формирование взглядов В. Леонтьева и других экономистов, близких к теории воспроизводства и кругооборота экономики. Показано, что идеи Кильской группы экономистов имеют отношение и к проводимым в настоящее время исследованиям в теории воспроизводства капитала, равно как и к работам по воссозданию облика русской экономической школы 1890–1935 гг.

Введение

К исследованию взглядов экономистов, известных под названием «Кильская группа» (нем. Kieler Schule; англ. Kiel group, Kiel school), сегодня нас подводят сразу несколько обстоятельств.

Во-первых, исследование (раннего) берлинского периода творчества В. Леонтьева (1905–1999), в котором был показан идейный путь формирования ученого через контакты с В.И. Борткевичем (1868–1931) и работу в Институте мировой экономики при Кильском университете [5]. Здесь важны, как минимум, два момента. А). В своей диссертационной работе 1928 г. «Хозяйство как кругооборот» Леонтьев не дал строгого определения искомого понятия «кругооборот» (*der Kreislauf*), предполагая его, в общем, известным и используя (очевидно, вслед за Й. Шумпетером) в качестве «рабочего инструмента». Отсутствие ссылок у Леонтьева, т.к. он не любил приводить в действие «медлительный механизм цитирования», затрудняет поиск основ создания метода «затраты — выпуск»³¹. Между тем в трудах экономистов «Кильской группы» конца 1920-х годов (о них см. ниже) мы находим интенсивное использование и более общую характеристику понятия кругооборота экономики. Кроме того, Б) наследие самого В.И. Борткевича, автора первой процедуры «трансформации стоимостей в цены производства» в рамках сопряжения I и III томов «Капитала» Маркса, в политико-экономической своей части является у нас крайне мало изученным³².

Во-вторых, с середины 2000-х годов мы имеем, с одной стороны, попытки переосмысления физиократического движения, а также круговой схемы «производства товаров посредством товаров» П. Сраффы ([16], [17], [19]). С другой же — налицо новый интерес к наследию австрийской и неоавстрийской теории капитала и процента (К. Менгер, О. фон Бем-Баверк, Й. Шумпетер, Ф. фон Хайек, Л. Лахманн). Этот процесс был инициирован прежде всего русским переводом

31. Перевод первой статьи, в которой была обнародована «Экономическая таблица» для экономики США за 1919 г., см. в [12].

32. Первый образец вполне современного анализа см. в [23]. В середине 2000-х годов появилась биография Борткевича-статистика [24], а также были опубликована его переписка с разными экономистами (в основном усилиями известного историка-экономиста А.Л. Дмитриева). Последняя переводная публикация Борткевича по экономике датируется 2011 годом [15, т. III].

ряда работ Ф. фон Хайека и Л. фон Мизеса, но особенно II тома «Капитала и процента» [3].

В-третьих, в связи с изучением наследия В. Леонтьева сегодня продолжают интенсивные исследования по воссозданию облика российской традиции экономического анализа дореволюционного периода и периода 1920-х годов (в смысле Шумпетерианской дихотомии «экономическая мысль — экономический анализ»). Эти исследования, с одной стороны, продолжают аргументацию работ проф. Н.С. Шухова, акад. Л.И. Абалкина, проф. Г.Н. Сорвиной, проф. А.А. Белых и др., а с другой — путем нетривиального подхода на основе *метода возвратного движения* выводят на самостоятельную исследовательскую традицию политико-экономического анализа кругооборота экономики. Мы имеем поступательный ряд экономистов, в числе которых М.И. Туган-Барановский, В.К. Дмитриев, Н.Н. Шапошников, В.И. Борткевич, Г.А. Харазов, отчасти Е.Е. Слуцкий (в диссертации «Теория предельной полезности» 1910 г.). В 1920-е годы помимо собственно В. Леонтьева перед нами открываются идеи Н.Д. Кондратьева (проблемы экономического цикла и экономической динамики) и руководимого им Конъюнктурного института при Наркомфине (1920–1930), и опять же Е.Е. Слуцкого — в аспекте создания основ праксеологии и масштабной критики теории ценности и процента Бем-Баверка [7].

Наконец, в-четвертых, в последние годы произошла активизация работ по искомой проблематике воспроизводства / кругооборота, причем сразу в двух направлениях. Одно направление исходит из переосмысления наследия российской традиции анализа (элементы теории кругооборота) в продолжение ревизионистским образом понимаемых идей физиократов и П. Сраффы [6], [9]. Второе направление исходит из ревизии собственно идей К. Маркса как в области кругооборота / воспроизводства капитала, так и в области его эндогенной (межпоколенческой) динамики, в развитие идей Шумпетера и, возможно, Бем-Баверка [13], [14].

1. Кильская группа экономистов: общая характеристика

Кильская группа экономистов сформировалась в середине 1920-х гг. в г. Киле (Германия), при Институте мирового хозяйства³³, выходцами из немецких социалистов, имевших социал-демократические взгляды. Расцвет работы группы пришелся на 1926–1933 гг., когда во главе ее стоял сначала А. Леве (Adolf Löwe, 1893–1995), а затем, в 1932–1933 гг., Г. Кольм (Gerhard Colm, 1897–1968). Единую Кильскую группу в узком смысле составляли пять человек: кроме А. Леве и Г. Кольма в нее входили Г. Найссер (Hans Neisser, 1895–1975), Ф. Буркхардт (Fritz Adolph Burchardt, 1902–1958) и А. Келер (Alfred Kähler, 1900–1981). Рядом исследователей в группу включаются также выходец из России Дж. Маршак (Jacob Marschak, 1898–1977) и Р. Нурксе (Ragnar Nurkse, 1907–1959). Группа прекратила свое существование после прихода к власти Гитлера в 1933 г., но в начале 1940-х гг. часть основных ее представителей (Леве, Кольм, Найссер, Маршак, а также примкнувший к ним Э. Ледерер) воссоединилась в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке³⁴.

Исследования членов группы, из которых особенно выделялись труды основателя А. Леве, появлялись и впоследствии. Продолжая развивать линию *структурного анализа экономики* [38, р. 135 ff.]; [39, р. 581 ff.], Леве сдвигался все больше и больше к проблемам структурного экономического роста. В этом же направлении было выдержано посмертное издание книги Р. Нурксе [47].

33. Сам институт был основан в 1914 г. Б. Хармсом (Bernhard Harms).

34. В дальнейшем возникло новое поколение исследователей, в рамках которого сформировался, в частности, Д. Фоули (Duncan K. Foley, 1942 г.р.). Это современный интерпретатор теории Маркса, близкий к аналитическому марксизму.

2. Проблематика кругооборота в трудах экономистов Кильской группы

В центральной работе А. Леве [36], которую можно рассматривать как методологическое введение к позднейшим исследованиям Кильской группы произведено важное отграничение кругооборота от конъюнктуры. Им сразу фиксируется: несмотря на успехи теории экономической конъюнктуры (*wirtschaftliche Konjunkturtheorie*), «все же нужно четко констатировать, что наше понимание теоретических связей хозяйственного кругооборота, законов структуры обращения нисколько не обогатилось в результате описания всех фаз [цикла] и расчетов корреляции» [36, р. 166]. Формально не возражая против мнения Бем-Баверка, что теория конъюнктуры будет «последней или предпоследней главой в книге по экономической теории», Леве указал на его неполноту и провел фундаментальное разграничение теории конъюнктуры (*Konjunkturtheorie*) и теории кругооборота (*Kreislaufstheorie*). Задача первой определялась им как законосообразная связь всех количественно определяемых факторов в рамках текущего положения на рынке, а также во временной последовательности этих положений. Задача второй (в аспекте структурных теорий роста) — найти источник роста и циклического развития экономики во *взаимосвязи* различных секторов реальной экономики, и даже точнее, их *взаимозависимости*. Он указывал на «континентальную» традицию в моделировании многосекторной экономической системы: таковы, по его мнению, исследования К. Маркса, М.И. Туган-Барановского, А. Афталиона, такова теория диспропорциональности в трудах А. Шпитгофа и Г. Касселя и др.

Леве несколько раз упомянул о самом понятии «хозяйственный кругооборот», ссылаясь не только на Шумпетера, но и на Ф. Оппенгеймера и Ледерера [35, 1926, р. 1–25]. Тем не менее, было бы чересчур поспешно утверждать, что «идея кругового представления экономической системы была в то

время распространенной чертой в исследованиях по экономической теории» [25, р. 230]. Ей противостояла имеющая гораздо большее число известных сторонников австрийская школа [26, р. 69–73]. Тем не менее, В. Леонтьев в своей диссертации пользуется терминологией хозяйственного кругооборота уже достаточно отчетливо.

Подключая к рассмотрению обмен мнениями между Леве и Оппенгеймером по поводу статьи Леве 1926 г. [48]; [37], можно сделать вывод, что Леве провел разграничение «кругооборота» (в смысле исследования структуры) и «экономического цикла» как двух принципиально разных динамических проблем. Однако сам он трактовал теорию кругооборота в контексте прежде всего динамических эффектов, что и сказалось впоследствии на его тяготении к теории структурного экономического роста.

Следующей работой в русле исследований по проблематике кругооборота стала статья приват-доцента в Киле Г. Найссера, «одного из самых блестящих умов» своего поколения (Й. Шумпетер) и человека, который был упомянут в «Трактате о деньгах» Дж. М. Кейнсом (1930) в скупом списке ссылок на ценные первоисточники. Найссер поставил вопрос о соотношении понятий «равновесия» и «кругооборота» [44] и обнаружил, что они нетождественны. «Кругооборот», выражаясь современным языком, является в большей степени макроэкономическим понятием. Параллельно занимаясь теорией денег, Найссер применил это понятие к данной сфере, в результате чего ввел новый термин «*circular velocity*» («скорость обращения денег в кругообороте доходов») (в книге «*Der Tauschwert des Geldes*», 1928). Подробное обоснование «кругооборота денег» (*Kreislauf des Geldes*) он привел чуть позже, отказавшись, в частности, от распространенного в те годы термина «денежное обращение» (*Geldumlauf*) [45, s. 365 ff.]. Его критика модели Вальраса — Касселя в 1932 г., как считается, стала одним из событий, приведших к созданию так называемого «Венского colloquium» (*Vienna Colloquium*), на котором была

доложена и обсуждалась модель экономического роста Дж. фон Неймана в своем первом варианте.

Следующий представитель группы Ф. Бурхардт, последователь Леве, продолжил движение в русле теории денег; он осуществил систематическую критику денежной теории цикла. Смысл ее состоял в том, чтобы, работая в русле разграничения Леве между теорией кругооборота и теорией цикла, разобраться с этой последней. «Еще для Кенэ и Смита «кризисы» были не следствиями, вытекающими из внутренней логики кругооборота, а результатом меркантилистического вмешательства в (только при условии полной свободы) гармоничную природу хозяйства» [27, s. 80]. После этого Бурхардт сделал свой главный вклад в изучение проблемы кругооборота: он впервые произвел систематическое сопоставление теорий производства Маркса и Бем-Баверка [28] и показал необходимость каждой из них для построения общей аналитической схемы кругооборота. Теория производства Бем-Баверка является *линейной* схемой, в ней существенное место отводится *времени*. «Он пытается построить теорию производства и воспроизводства в терминах исторически растущей производственной структуры хозяйства» [28, I, s. 557]. Напротив, точка зрения *кругооборота* (или взгляд на экономику как на *круговое движение*) не отводит времени большого значения; в принципе, оно там явно не присутствует вообще (*ibid.*). Поэтому теория Маркса является более подходящей, чтобы моделировать постоянный капитал; оборотный же капитал в его схеме представлен слабее, поскольку время нивелировано [28, II, s.116 ff.].

В работе Р. Нурксе, примыкающей к этому исследованию Бурхардта, был сформулирован четкий итоговый вывод: австрийская теория капитала (Бем-Баверк в «Позитивной теории капитала», Хайек в «Производстве и ценах» 1931), исповедующая *линейную схему производства*, годится только для представления оборотного капитала. Основной капитал, который способен воспроизводить себя сам, требует уже не линейной, а *круговой схемы* [46, p. 232–234]. В русле про-

блемы «среднего периода производства» применительно к теории Бем-Баверка находился тогда и Дж. Маршак [43, р. 149], выходец из Киевского университета св. Владимира, учившийся, в частности, у Слуцкого. Здесь по своим взглядам Маршак примыкает к исследованиям Кильской группы.

Наконец, последний (по времени) из участников Кильской группы А. Келер, который учился в Киле непосредственно у А. Леве, рассматривал идущую от классиков проблему замещения человека машиной, как синоним технического прогресса [32]. Важно отметить, что он двигался в русле подхода Бурхардта [*ibid.*, s. 53–68]; затем, подвергая подход Бем-Баверка к постоянному капиталу критике, Келер обратился к схемам воспроизводства Маркса и сделал попытку «предложить позитивное описание хозяйственного кругооборота» [*ibid.*, s. 81–82]). Он сконструировал свои собственные схемы оборота продукта между подразделениями с учетом накопления капитала и интенсификации процесса производства (нем. Umschlagsschemata). В результате он построил, как установлено исследователями, одну из первых (еще до Леонтьева) моделей «затраты — выпуск» [29, р. 204–208]. В своих последующих, после 1933 г., работах Леонтьев, по-видимому, не ссыался на исследование Келера. То же касается и других основных членов группы. В этой связи любопытно указание А. Леве, что Леонтьев потому впоследствии не упоминал о Кильской группе (а также о талантливом математике Р. Ремаке (1888–1942), чьи исследования 1929–1933 гг. по «совмещенной системе цен» во многом обобщали формулы кругооборота Леонтьева), что хотел размежеваться с классической марксистской традицией [29, р. 213]. Тяготение Леонтьева вместо этого к Вальрасу, тем не менее, может привести интерпретаторов к заблуждениям относительно его метода (это, в частности, показано в: [10]).

Таким образом, экономисты Кильской группы сформировали общее представление о понятии «кругооборот» как таковом. Они мыслили его как аналитико-методологическую схему репрезентации хозяйства и его составных частей, что

в период до появления «Общей теории» Кейнса (1936) было равнозначно *макроэкономическому моделированию*. Характеристика их теоретического наследия позволяет, с одной стороны, увидеть расширительное и продуктивное толкование термина «кругооборот» как целой парадигмы исследования производственной структуры системы (здесь кроется эвристическая ценность). Однако, с другой стороны, эта же характеристика позволяет осознать необходимость анализа всей традиции исследования кругооборота в экономике, начиная с Ф. Кенэ. Интерпретация Кильской группой классического наследия является неоднозначной, во-первых, а многие ходы мысли повторялись ими (неосознанно) вслед за другими, более близкими к первоисточнику концепциями, во-вторых.

3. Траверс-анализ как одно из направлений развития идей экономистов г. Килья

Одним из промежуточных итогов, к которому пришло направление, возглавляемое А. Леве (и поддерживаемое затем в разной степени, в частности Г. Хагеманном [30, p. 144 ff.]), являлся так называемый «траверс-анализ» (Traverse analysis). Кратко оценим его перспективы в контексте нашей темы кругооборота. Впервые формальное понятие траверса было введено Дж. Р. Хиксом: «Представим себе, что мы имеем экономику, которая была в равновесии в предыдущий момент времени при наличии некоторого ряда условий; а затем, в момент времени 0, введен новый ряд условий; возможно ли (и как это возможно) для экономики придти при этом новом ряде условий к новому равновесию? Мы не сильно снизим степень общности нашего изучения неравновесия, если рассмотрим его как траверс [поперечное движение] от одного пути движения экономики к другому» [31, p. 184]. Траверс характеризует *структурное изменение*, которое оно вызывает. Из трех типов траверса: *вмененного* (imposed traverse), вызванного экзогенным для системы шоком; *тех-*

нологического (technological traverse), обусловленного процессом адаптации вновь изобретенного метода производства; и *замещающего* (substitution traverse), связанного с замещением одной производственной техники другой вследствие роста прибыльности [41, ch. 6]; [42, p. 137], нас интересуют последние два. Однако по размышлению можно увидеть, что эти, казалось бы, новые идеи сводятся к уже имеющимся в нашем поле зрения: речь идет о понятии конъюнктуры, развитием Н.Д. Кондратьевым, и о критике Леонтьевым «новых комбинаций» Шумпетера.

Попытка [40] ввести в строгую схему кругооборота (pure circular-flow model) временную структуру производства и исследовать, например, Марксовы схемы воспроизводства в контексте взаимодействия I и II подразделений согласно заданным интервалам времени для обмена продуктами (вследствие чего возможно моделирование запаздываний и т.д.) приводит, в принципе, к динамической модели Леонтьева [33, p. 112]. Для нас такое явное введение *времени* в модель кругооборота означает потерю последней своего фундаментального свойства *стационарности* и переход на рельсы другой методологии. При этом, что показательно, и Лева, и Нурксе впоследствии продолжали говорить о важности феномена самовоспроизводства для репрезентации основного капитала, в основном машин [40, p. 34], и о недостаточности в этой связи линейной схемы производства австрийской школы [47, p. 25–26].

4. Политико-экономическое наследие экономистов г. Киля в свете перспективной методологии М. Фуко

Сделаем попытку оценить прирост знания в области исследований хозяйственного кругооборота (фр. la circulation économique, нем. die Kreislaufstheorie, англ. circular flow theory, итал. la dottrina del flusso circolare) с помощью средств неклассической методологии. Неудовлет-

воренность традиционной философией науки (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др.) для объяснения специализированной экономической тематики побуждает обращаться к более специфическим образцам. В то же время «преданалитическое видение» Й. Шумпетера, равно как и «тематический анализ» Дж. Холтона [22] выглядят слишком общими и не схватывающими основные черты кругового метода, а только фиксирующими общие проблемы мировоззрения теоретиков кругооборота.

В современных условиях достаточно развитой (как документально, так и рефлексивно) традиции хозяйственного кругооборота от Ф. Кенэ до П. Сраффы и Л. Пазинетти такая фиксация выглядит уже недостаточной. Требуется более сильная оптика для постановки и решения задач, связанных и с развитием традиции, и с ее распространением в условиях среды экономического мейнстрима. Это тем более важно на фоне практического отсутствия методологических работ по данной тематике. Сами же создатели круговых концепций, как известно, не очень распространялись на этот счет. Среди примеров можно назвать Д. Рикардо, не оставившего трудов по методологии своего исследования; Ф. Кенэ, любившего апеллировать не к дискурсу и рассудку, а к «свету очевидности»; П. Сраффу, который вообще отличался немногословностью и к тому же привычкой устно (по майевтическому методу Сократа) излагать свои взгляды в «Кембриджских спорах». То же касается и теоретиков Кильской группы. (Исключение представляет, по-видимому, только В. Леонтьев, но и он скорее апеллировал не к экономической методологии, а к философии и социологии.)

Имеет смысл обратиться к концепции «порогов», изложенной в «Археологии знания» М. Фуко [21] и еще недостаточно освоенной³⁵. Нам импонирует высказываемое

35. Пионерные работы Н.С. Автономовой [1]; [2, с. 71–72] остались без фактического продолжения, к тому же историко-экономический материал на момент 1970-х годов еще не достиг фазы зрелости. Только недавно появилась, по-видимому, первая обстоятельная и фиксирующая рамки данного подхода публикация [20, с. 296 и сл.].

им убеждение в сложности интеллектуальной истории, обусловленной *прерывистым* характером ее протекания, *неоднозначным* моментом идентификации той или иной традиции, складывания последней в *дискурс* и постепенного вызревания до статуса *знания*. Сами «пороги», что важно, появились в развитие идеи *эпистемологических препятствий* Г. Башляра, который, в свою очередь, революционизировал методологию науки во Франции, родине круговых схем экономики [4, с. 107, 139, 157]. Линию «Башляр — Кангилем — Фуко» можно в этой связи считать уже достаточно устоявшейся [34]. В ней не делается такого сильного акцента на рациональности. Кроме того, тезис Фуко о недостаточности оппозиции «научное — ненаучное» при выявлении логики развития знания выглядит едва ли не более реалистичным при описании значения «маржиналистской революции», чем положения традиционной экономической методологии (в частности, М. Блауга)³⁶.

Как известно, М. Фуко выделял 4 основных порога в рамках своей концепции дискурсивных формаций: порог *позитивности*, *эпистемологизации*, *научности* и *формализации* [21, гл. VI, § d, с. 341 и сл.]. Первый вычленяется при обособлении совокупности высказываний внутри речевой практики. Второй обнаруживается, когда эта выделенная совокупность высказываний (или терминов) начинает располагаться иерархически, соблюдая нормы субординации и взаимной связности. Третий наступает, когда эпистемологическое образование подчиняется формальным критериям и получает статус дисциплины. Наконец, четвертый преодолевается, когда формулируется аксиома-

36. «Если признавать за наукой только линейное накопление истин или ортогенез разума, если не признавать в ней дискурсивной практики, имеющей свои уровни, пороги и различные разрывы, то возможно описать только одно историческое разделение. Модель этого разделения воспроизводится постоянно и применяется к любой форме знания: это разделение между тем, что еще не является научным, и тем, что уже окончательно установлено как научное. Вся толща рассогласований, все рассеивание разрывов, все смещение их результатов и механизм их взаимозависимостей оказываются сведенными к монотонному акту обоснования, требующему бесконечного повторения» [21, с. 344–345].

тика и появляется возможность строить формализованные конструкции.

Применим эту методологию к идеям Кильской группы экономистов³⁷. *Порог позитивности* преодолевается с помощью специализированной терминологии: это теория цикла (Konjunkturproblem), теория структурных изменений экономики (Strukturproblem) [36, 37], кругооборот денег (Geldkreislaufstheorie) [44], а также нужно учитывать высокие оценки таких специалистов, как В.И. Борткевич и Дж. М. Кейнс (1930). *Порог эпистемологизации* связан с анализом линейной модели производства (австрийская школа) в противовес круговым схемам производственного процесса [28], а также исследованием и попыткой синтетического восприятия теорий капитала Маркса и Бем-Баверка. Кроме того, к данному порогу имеют отношение совмещение экономистами г. Килья таких понятий, как «время» и «основной капитал», систематическое рассмотрение ими межвременной структуры капитала (поколения) и феномена самовоспроизводящегося капитала. Кроме того, экономисты Кильской группы двигались в русле развития *теории диспропорциональности* (от М.И. Туган-Барановского, Р. Люксембург и других представителей континентальной традиции).

Порог научности связан со следующими достижениями Кильской группы. Во-первых, было проведено исследование проблемы технического прогресса: замещение рабочих машинами в рамках балансовой схемы и экономический рост [32]. Во-вторых, наблюдалась осознанная реакция на производственную функцию Кобба-Дугласа (1928), впослед-

37. Своеобразие проблемы заключается в двух особенностях. Во-первых, в том, что рассматривается не вся экономическая наука целиком, а только отдельная традиция внутри нее. Это затрудняет идентификацию порогов вследствие общего информационного шума, генерируемого средой и сложившимися задним числом мыслительными стандартами. Во-вторых, эта традиция имеет вложенную структуру, поэтому начиная с некоторого момента (скажем, после «Капитала» К. Маркса) ее существование должно было реконструировано. Такую реконструкцию можно проводить и с помощью нашей методологии *возвратного движения* (см., напр., [8]).

ствии — обсуждение вопроса о приоритете В. Леонтьева и об источнике его модели «затраты — выпуск». В-третьих, методически использовалась терминология «кругооборота» и круговых схем применительно к разным сферам экономики. Сюда же относится отказ экономистов г. Киля от изучения только равновесия — они считали эту категорию статической. В-четвертых, была предложена критика линейной модели австрийцев (принципа «окольности», концепции благ высших порядков). Введено понятие самовоспроизводящегося ядра экономики, которое не выходит в сферу конечного потребления, а остается в сфере базисного круговращения (аналог элемента c_1 подразделения I в схемах воспроизводства Маркса).

Порог формализации был во многом достигнут в новой схеме производства, критически относящейся и к австрийцам, и к неоклассике [46]. Нурксе же обсуждал проблемы совместного и побочного производств. Дальнейшее развитие формализации происходило в схеме А. Лева — структурной схеме производственного процесса, в которой осуществлялось дезагрегирование не II, а I подразделения общественно-го воспроизводства [38]. К этому же порогу относятся основы траверс-анализа инновационной деятельности (опосредование, вращение, а не простое движение «вверх—вниз» или «вправо—влево») (см. выше § 3).

Если собрать воедино усилия экономистов Кильской группы по преодолению (гипотетическому, разумеется) указанных выше порогов, то можно сформулировать следующее «видение» ими основного капитала как ключевого фактора воспроизводственной динамики экономической системы. Капитал — это не агрегат промежуточных (производных) благ, в том числе «благ высших порядков» австрийской школы. Капитал имеет гетерогенную структуру, в которой едва ли не важнейшую роль играет фактор времени. Воспроизводство капитала осуществляется через цикл, понимаемый как замкнутый период производства; отсюда важно понять и осмыслить принцип вращения капитала в круге

и через круг, а не через линию³⁸. Характерен и «Кильский запрет» для части капитала становиться объектом конечного потребления и выходить за рамки «круговращающихся стоимостей». Наконец, важно также отметить и факт скептического отношения Кильской группы к производственным функциям всякого рода, которые позже будут играть столь важную роль в дискуссии «двух Кембриджей» середины и конца 1960-х годов по проблеме капитала и переключения технологий.

5. Связь идей Кильской группы с современными исследованиями в теории воспроизводства

Под современными исследованиями мы имеем в виду прежде всего концепцию переключающегося режима воспроизводства, развиваемую группой исследователей во главе с акад. В.И. Маевским в Центре эволюционной экономики ИЭ РАН [14]. Зададимся вопросом, почему воспроизводственная мысль после базовых работ О. фон Бем-Баверка (и К. Менгера), обрисовавшего принцип «окольных методов производства», т.е. разновременную структуру капитала, не увидела переключающегося режима воспроизводства. Неужели, скажем, в семинарии М.И. Туган-Барановского в начале XX в. плохо изучали механизмы обменных процессов в рамках схем воспроизводства? Вероятнее всего, нет.

Дело в иной аргументации и в ином видении функционирования экономической системы. Аргумент 1 связан с наличием режима переключения в рамках «абстрактного машиностроительного завода» [14, с. 43, 207]. В свете развития орудий труда и человеческого интеллекта это указывает на высокий уровень абстрагирования теоретика от конкретной работы машин и механизмов. Такое было возможно, видимо, только для тех, кто впитал опыт наблюдения за раз-

38. Не случайно экономистами г. Килья уделяется серьезное внимание геометрии движения капитала по экономической системе, обсуждаются проблемы «*circulus vitiosus*» (порочного круга) и рефлексии.

витием и эволюцией тяжелого и среднего машиностроения в СССР. То есть речь идет, как минимум, о второй половине XX в. Для дореволюционных наших экономистов и идей экономистов г. Килья конца 1920-х годов такой взгляд мог оказаться просто недостижимым.

Аргумент 2 связан с проблемами денежного обращения в рамках круговых схем [14, гл. I, § 3, 6]. Здесь происходит возврат к механике кругооборота денежного капитала Марковского типа (II том «Капитала»), и притом на мезоуровне, потому что мы имеем дело с важным принципом «агрегирования — дезагрегирования». Речь идет об интеграции денег и денежных субъектов (банков) в народнохозяйственную систему воспроизводства [14, гл. III, § 13, гл. IV, прил. Ж], а это уже не совсем классические схемы воспроизводства: Кильская группа в подавляющем большинстве теоретиков (за исключением, вероятно, [38]) оперировала с классическими схемами, где функционирование денег подчинялось принципу нейтральности.

Аргумент 3, едва ли не самый важный: фиксируется тот факт, что Маркс, по существу, перенес земледельческий принцип кругооборота на анализ машинного производства [14, с. 38]. Аргумент проливает дополнительный свет на эволюцию всей, по существу, воспроизводственной традиции. В какой степени традиция хозяйственного кругооборота была завязана на земледельческую тематику — не по объекту исследования, а по принципу организации воспроизводственных связей? Дело в том, что принцип «Tableau économique» Кенэ был ведущим для большинства теоретиков кругооборота, включая Сраффу. Г.А. Харазов (1877–1931) даже видел в этом принципе шаг вперед по сравнению с рикардianским (и неорикардianским) типом анализа «Капитала». Для своего времени он был, видимо, прав, а сейчас?

Авторы (прежде всего акад. В.И. Маевский) говорят о том, что основной капитал в рамках круговых схем типа Кенэ — Сраффы представлен неадекватно и нужно сменить точку зрения. Нужно перейти от режима совмест-

ного производства (joint production) к режиму производства с переключением. Однако сам этот режим основан ведь на определенной архитектонике производственной системы, использующей разновозрастную структуру капитала. Таким образом, Маркс по логике здесь соединяется с Бем-Баверком, и динамика воспроизводства основного капитала требует расщеплять (дезагрегировать) не второе подразделение общественного производства, как поступали все, начиная с Туган-Барановского, а первое! А это и приводит нас к подходу, разделяемому теоретиками Кильской группы (см. выше § 4). В ряде их работ [46]; [38] мы находим до удивительного схожие мысли с теми, которые представлены в книге [14]³⁹. Тем не менее, у предложенных Кильской группой производственных схем, по-видимому, есть недостаток, которого уже нет в наших современных исследованиях. Он связан с отсутствием уравнений в немецких текстах. Поэтому экономисты указанного направления ограничивались (и ограничиваются) преимущественно качественным экономическим анализом и не переходят на количественные рельсы. Вопрос операциональности круговых схем, однако, крайне важен; может быть, даже критически важен. Выскажу здесь мысль, к которой пришел, изучая долгую традицию хозяйственного кругооборота: все дело в форме уравнений!

Дело в том, что каждый раз новый тип уравнения продуцировал новый подход или новую концепцию, и наоборот. Можно обратить в данной связи внимание на уже упоминавшиеся системы М.И. Туган-Барановского, В.К. Дмитриева, В.И. Борткевича, Г.А. Харазова, Е.Е. Слуцкого, Дж. фон Неймана, П. Сраффы. В этом смысле читателю и исследователю книги [14] важно будет разобраться с базовыми уравнениями модели, — насколько сильно они отличаются от уже известных в существующей теории и насколько они релевантны описываемым реалиям. И, разумеется, важно не

39. Более подробное сопоставление текстов оставим для одной из следующих работ в русле историографии теории воспроизводства.

забыть здесь про изучение процедуры их отражения в программной среде, особенно в части эффекта переключения в системах дифференциальных уравнений⁴⁰. Что же касается политико-экономического наследия экономистов г. Киля, то потенциал его — и после всего сказанного выше — представляется еще далеко не исчерпанным.

Литература

1. Автономова Н.С. (1972). Концепция «археологического знания» М. Фуко // Вопросы философии. № 10.
2. Автономова Н.С. (1977). Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. (Критический очерк концепций французского структурализма.) М.
3. Бем-Баверк О. фон (2010). Капитал и процент: Т. 2–3. Т. 2: Позитивная теория капитала. Т. 3: Эскурсы / Пер. с англ. М.: Социум.
4. Визгин В.П. (1996). Эпистемология Гастона Башляра. М.: ИФ РАН.
5. Клюкин П.Н. (2006). Берлинский период творчества В. Леонтьева и его значение для истории экономической мысли // Леонтьев В. Документы. Воспоминания. Статьи / Сост. В.В. Окрепилов. СПб.: Гуманистика.
6. Клюкин П.Н. (2010). Элементы теории хозяйственного кругооборота в трудах российских экономистов-математиков конца XIX — первой трети XX в. М.: ИЭ РАН.
7. Клюкин П.Н. (2011). Статистический метод в анализе проблем «социальной экономии» в работах Н.Д. Кондратьева и Е.Е. Слуцкого // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. № 3.
8. Клюкин П.Н. (2014). Эвристическое значение метода возвратной традиции (на примере творческого наследия Н.Д. Кондратьева) // Наследие Н.Д. Кондратьева и совре-

40. В коллективной работе экономистов-теоретиков, математиков и программистов мы усматриваем один из перспективных вариантов развития воспроизводственной проблематики в настоящее время.

- менность / Под общ. ред. П.Н. Ключкина. М.: Алетея. С. 205–253.
9. Ключин П.Н. (2017). Схематизм политико-экономических понятий: эвристический мысленный эксперимент по «Капиталу» Маркса // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. 2-е изд. / Науч. ред. П.Н. Ключин, Л.А. Васина, О.И. Ананьин. М.: Эксмо. (Серия «Великие экономисты».)
 10. Курц Х.Д., Сальвадори Н. (2004) [1995]. Теория производства: долгосрочный анализ / Пер. с англ. под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика.
 11. Леонтьев В. (2008). Хозяйство как кругооборот [1928] // Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо. (Серия «Антология экономической мысли».)
 12. Леонтьев В. (2009). Количественные соотношения затрат и выпуска в экономической системе США [1936] // Экономист. № 8. С. 64–85. (Пер. с англ. П.Н. Ключкина.)
 13. Маевский В.И., Малков С.Ю. (2013). Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: ИНФРА-М.
 14. Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. (2016). Новая теория воспроизводства капитала. Развитие и практическое применение. М.; СПб.: Нестор-История.
 15. Маркс К. (2011). Капитал. Критика политической экономии. Т. I–III. М.: Эксмо. (Серия «Антология экономической мысли».)
 16. Рикардо Д. (2007). Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное / Сост. и науч. ред. П.Н. Ключин. М.: Эксмо. (Серия «Антология экономической мысли».)
 17. Рикардо Д. (2016). Начала политической экономии и налогового обложения. 2-е изд. / Сост. и науч. ред. П.Н. Ключин. М.: Эксмо. (Серия «Великие экономисты».)
 18. Сраффа П. (1999). [1960] Производство товаров посредством товаров. М.: Юнити-Дана.
 19. Физиократы... (2008). Ф. Кенэ, П.-С. Дюпон де Немур, А.-Р.Ж. Тюрго. Избранные экономические произведе-

- ния / Сост. и науч. ред. П.Н. Ключин. М.: Эксмо. (Серия «Антология экономической мысли».)
20. Филатов В.П. (2014). От мысли к науке: культурно-исторический подход к генезису экономической науки // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Б.И. Пружинина / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия.
21. Фуко М. (2004). [1969] Археология знания / Пер. с фр. СПб.
22. Холтон Дж. (1981). Тематический анализ науки / Пер. с англ. М.: Прогресс.
23. Чепуренко А.Ю. (1988). Идеиная борьба вокруг «Капитала» сегодня. М.: Политиздат.
24. Шейнин О.Б. (2008). В.И. Борткевич: научная биография // Пятая хрестоматия по истории теории вероятностей и статистики. Статьи В.И. Борткевича и А.А. Чупрова / Сост. и перев. О.Б. Шейнин. Берлин: NG Verlag.
25. Baranzini M., Scazzieri R. (1990). Economic Structure: Analytical Perspectives // The Economic Theory of Structure and Change / M. Baranzini, R. Scazzieri (eds.). Cambridge: C.U.P.
26. Bortis H. (1990). Structure and Change within the Circular Theory of Production // The Economic Theory of Structure and Change / M. Baranzini, R. Scazzieri (eds.). Cambridge: C.U.P.
27. Burchardt F. (1928). Entwicklungsgeschichte der monetären Konjunkturtheorie (aus dem Institut für Weltwirtschaft und Seeverkehr) // Weltwirtschaftliches Archiv. Bd. 28. H. 1.
28. Burchardt F. (1931–1932). Die Schemata des stationären Kreislaufs bei Böhm-Bawerk und Marx // Weltwirtschaftliches Archiv. I. Bd. 34 (1931); II. Bd. 35 (1932).
29. Gehrke Ch. (2000). Alfred Kähler's *Die Theorie der Arbeit-erfreisetzung durch die Maschine*: an Early Contribution to the Analysis of the Impact of Automation on Workers // Economic Systems Research. Vol. 12. No. 2.

30. *Hagemann H.* (1990). The Structural Theory of Economic Growth // The Economic Theory of Structure and Change / M. Baranzini, R. Scazzieri (eds.). Cambridge: C.U.P.
31. *Hicks J.R.* (1965). Capital and Growth. Oxford: Clarendon Press.
32. *Kähler A.* (1933). Die Theorie der Arbeiterfreisetzung durch die Maschine. Eine gesamtwirtschaftliche Abhandlung des modernen Technisierungsprozesses. Leipzig: Hans Buske.
33. *Landesmann M.A., Scazzieri R.* (1990). Specification of structure and economic dynamics // The Economic Theory of Structure and Change / M. Baranzini, R. Scazzieri (eds.). Cambridge: C.U.P.
34. *Lecourt D.* (1972). Pour une critique de l'épistémologie (Bachelard – Canguilhem – Foucault). P.
35. *Lederer E.* (1926). Der Zirkulationsprozess als zentrales Problem der ökonomischen Theorie // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 56.
36. *Löwe A.* (1926). Wie ist Konjunkturtheorie überhaupt möglich? // Weltwirtschaftliches Archiv. Bd. 24.
37. *Löwe A.* (1927). Zur Möglichkeit der Konjunkturtheorie // Weltwirtschaftliches Archiv. Bd. 25.
38. *Löwe A.* (1952). A Structural Model of Production // Social Research. Vol. 19.
39. *Löwe A.* (1955). Structural Analysis of Real Capital Formation // Capital Formation and Economic Growth / Ed. by M. Abramovitz. Princeton: Princeton University Press.
40. *Löwe A.* (1976). The Path of Economic Growth. Cambridge: C.U.P.
41. *Magnan de Bornier J.* (1980). Capital et déséquilibres de la croissance. P.: Economica.
42. *Magnan de Bornier J.* (1990). Vertical integration, growth and sequential change // The Economic Theory of Structure and Change / M. Baranzini, R. Scazzieri (eds.). Cambridge: C.U.P.
43. *Marschak J.* (1934). A Note on the Period of Production // Economic Journal. Vol. 44. No. 173. March.

- 44. *Neisser H.* (1927). Zur Theorie des wirtschaftlichen Gleichgewichts // Kölner Sozialpolitik Vierteljahrschrift. Bd. 6.
- 45. *Neisser H.* (1931). Der Kreislauf des Geldes // Weltwirtschaftliches Archiv. Bd. 33.
- 46. *Nurkse R.* (1935). The Schematic Representation of the Structure of Production // Review of Economic Studies. Vol. 2. No. 3. June.
- 47. *Nurkse R.* (1962). Equilibrium and Growth in the World Economy / Ed. by G. Haberler and R.M. Stern. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- 48. *Oppenheimer F.* (1927). Zur Möglichkeit der Konjunkturtheorie // Weltwirtschaftliches Archiv. Bd. 25.